

издатель монархического Тихомирова М. Б. Смолен.

¹⁰⁴ Воспоминания Льва Тихомирова. С. 224.

¹⁰⁵ См. подробнее: *Гинев В. Н.* Оправдали бы современные студенты Веру Засулич // История глазами историков. СПб., 2002.

А. В. Гоголевский

КАДЕТЫ В ПЕРВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

«Партия народной свободы» возлагала особые надежды на первое народное представительство, намереваясь законодательным путем осуществить собственную политическую программу, предполагавшую широкие реформы, способные обеспечить эволюционное преобразование самодержавной власти в конституционно-правовое государство. Еще в 1902 г. журнал «Освобождение» исходил из того, что наиболее целесообразной тактикой в борьбе с самодержавием было бы добиваться от властей проведения свободных выборов в законодательное однопалатное народное представительство с правом контроля над исполнительной властью. Первый Всероссийский земский съезд в ноябре 1904 г. высказался за безусловную замену самодержавия представительным строем, опирающимся на законодательную Государственную думу.

Требование созыва законодательного народного представительства путем всеобщих выборов стало главным политическим лозунгом либерального демократического движения в 1905 г., под которым сплотилась вся оппозиционная самодержавию Россия, включая социалистов и социал-демократов. Именно отказ властей от созыва законодательной думы, ставший очевидным после Манифеста 6 августа, побудил оппозицию организовать октябрьскую политическую стачку, вырвавшую из рук императора Манифест 17 октября.

Первый съезд кадетов, состоявшийся одновременно с выходом Манифеста 17 октября, определенно высказался в пользу парламентской тактики партии в противостоянии с самодержавием. Руководство партии вполне понимало решающее значение для судьбы страны исхода выборов в Первую Государственную думу и определение ее компетенции. Как верно заметил при встрече с С. Ю. Витте В. М. Гессен, именно вопрос о компетенции Первой Государственной думы должен был решить судьбу революции и самодержавной власти в целом.¹

Между тем едва только были объявлены выборы в Первую думу, на пути парламентской тактики кадетов возникли серьезные препятствия. Партийная программа исходила из безусловной необходимости всеобщих равных выборов с тайной подачей голов. Однако избирательный закон 11 декабря 1905 г. устанавливал цензовые выборы по четырем куриям. Низы партии, вкусившие плоды побед в ходе октябрьской стачки, в отличие от верхов не хотели принимать участия в цензовых выборах, предпочитая им революционный натиск на власть в союзе с социалистами. У них была своя логика. Согласно ей цензовая дума, во-первых, не могла полноценно отражать интересы всех слоев населения России, во-вторых, через нее было бы невозможно законодательным путем осуществлять партийную программу. И наконец, в-третьих, в программе кадетов

утверждалось, что наилучшим способом осуществления партийных требований является созыв всеобщим голосованием Учредительного собрания.

Руководству партии, особенно П. Н. Милюкову, пришлось приложить значительные усилия, чтобы на Втором съезде кадетов добиться принципиального решения об участии в цензовых выборах. Съезд открылся 5 января 1906 г. Вечером того же дня с докладом «Об отношении к избирательной компании и к Государственной думе» выступил П. Н. Милюков. Как он заявил, поскольку партия кадетов является парламентской, постольку она обязана участвовать в выборах, которые единственно способны укрепить местные партийные комитеты и развернуть широкую агитацию в массах в пользу партийных лозунгов. Как сказал докладчик, правительству не удастся одержать верх на выборах даже при цензовом избирательном законе и у кадетов есть хорошие шансы занять в думе лидирующее положение.² Более определенно отношение партийного руководства к Первой думе выразил в своем докладе Ф. Ф. Кокошкин. Он не мог не признать ущербность цензовой думы и подчеркнул приверженность руководства партии лозунгу Учредительного собрания. Вместе с тем Ф. Ф. Кокошкин призвал делегатов съезда понять невозможность для оппозиции принудить власть объявить всеобщие выборы и созвать Учредительное собрание. А раз так, то необходимо идти в думу, для того чтобы в ней прежде всего принять закон о всеобщем избирательном праве. Далее, как сказал докладчик, необходимо было не столько проводить законодательным путем партийную программу, сколько принять самые неотложные законы: гарантировать объявленные в Манифесте свободы, установить ответственность министров перед думой, решить аграрный вопрос на началах конфискации помещичьих земель. Кроме того, Государственная дума, по мнению Ф. Ф. Кокошкина, должна была объявить политическую амнистию и отправить в отставку правительство.³

Разумеется, с точки зрения формальной логики Ф. Ф. Кокошкин оказался полностью прав. Но в его докладе было обойдено весьма существенное обстоятельство: что делать партии, если правительство не станет сотрудничать с думой, а воспользовавшись своими прерогативами, добьется у царя ее роспуска.

Несмотря на полемику вокруг внесенной руководством партии резолюции по докладу Кокошкина, съезд высказался за участие кадетов в Первой Государственной думе и работу в ней. Резолюция поручала партии заняться в думе «законодательными мерами неотложного порядка, необходимыми для успокоения страны».⁴

Как известно, кадетам удалось одержать на выборах в Первую думу блестящую победу. От Санкт-Петербурга по городской курии все депутаты прошли по спискам кадетов. Успех им сопутствовал и в Москве. Из общего числа выборщиков во всех городах кадеты завоевали 83% мест. А всего из 412 депутатов, избранных от 20 городов и 50 губерний Европейской России, 42,9% составляли кадеты или их кандидаты,⁵ а остальные в большинстве своем поддерживали «Партию народной свободы» в ее противостоянии властям. Можно было бы думать, что перед кадетами открывается блестящая перспектива парламентской деятельности и предоставляется редкая возможность добиться политических и социальных преобразований путем парламентских реформ. П. Н. Милюков весной 1906 г. заявил, что только кадеты способны вывести Россию из кризиса.⁶

Однако реальное соотношение сил власти и оппозиции ставило под сомнение столь оптимистичный вывод. Предчувствуя неминуемую победу оппозиции на выборах, двор

и правительство предприняли решительные меры, с тем чтобы не позволить Первой Государственной думе законодательным порядком изменить существующий государственный строй. Казалось бы, подобная задача не имела решения, так как, согласно Манифесту 17 октября, ни один закон не мог вступить в силу без одобрения его в Государственной думе. Тем не менее правительство пошло на установление компетенции первого народного представительства путем издания высочайшего указа. Акты 20 февраля 1906 г. запрещали Государственной думе касаться по своему почину пересмотра основных государственных законов, а также воздвигли перед народным представительством непреодолимый барьер, введя вторую законодательную палату — Государственный совет, имевший право отклонять законопроекты, прошедшие через думу. Последняя не имела возможности преодолевать вето Госсовета квалифицированным большинством голосов. Кроме того, воздвигалось еще одно серьезнейшее препятствие на пути законотворческой деятельности Государственной думы. Даже если бы принятый ею закон получал одобрение в Государственном совете, царь имел право не подписывать его без объяснения причин. Таким образом, с выходом актов 20 февраля и их закреплением в новой редакции основных законов 23 апреля 1906 г. победившая на выборах оппозиция утратила законную возможность для осуществления своей социальной и политической программы парламентским путем.

Разумеется, руководство партии кадетов не питало иллюзий по поводу законодательных возможностей оппозиции в Первой Государственной думе. И все же оно собиралось заняться в думе законодательной работой, а не превращать думскую кафедру в агитационную трибуну. Оставалось лишь убедить в правильности подобного выбора партийные низы, чему во многом и был посвящен Второй съезд партии кадетов, состоявшийся накануне открытия Первой Государственной думы.

С докладом «О тактике партии в Государственной думе» к делегатам обратился П. Н. Миллюков, призвавший на помощь все свое красноречие и остроумие, с тем чтобы убедить их в верности партийной тактики преобразования монархии путем законодательной процедуры в Государственной думе. Как полагал докладчик, фракция кадетов вполне могла добиться принятия думой закона о всеобщем голосовании, а также провести через народное представительство социальные и политические реформы, в том числе решить и аграрный вопрос. По мнению Миллюкова, хотя закон и стеснял законодательные полномочия думы, с ним необходимо было считаться и законодательствовать не вопреки, а опираясь на него. Миллюков убеждал делегатов: правительство не решится заблокировать принятые первым народным представительством законопроекты, поскольку в противном случае оно столкнется с протестом всей страны. А раз так, то законы 20 февраля становятся пустой формальностью.⁷ Как ни старался П. Н. Миллюков, но его доводы мало убедили участников съезда. Большинство из них выступило против положений доклада лидера партии. По мнению выступивших в дискуссии, законодательная деятельность кадетов в думе не имела перспектив, так как двор и правительство непременно воспользовались бы своим законным правом отклонить любые реформаторские проекты, одобренные думской оппозицией. Как полагали выступавшие, единственно верная тактика кадетов должна была заключаться не в законотворческой деятельности в думе, а в решительном натиске на власть с целью добиться от нее согласия на созыв Учредительного собрания, избранного всеобщим голосованием. Тем не менее руководство партии во главе с Миллюковым сумело переломить настроения

делегатов и добиться одобрения внесенной ЦК резолюции. В ней говорилось, что целью деятельности кадетов в ближайшей сессии думы станет осуществление задач партийной программы: обеспечение законодательными нормами неприкосновенности личности; равенство всех перед законом; введение всеобщего прямого тайного голосования; разрешение земельного вопроса и др.⁸

Таким образом, несмотря на акты 20 февраля и новую редакцию основных законов 23 апреля, руководство кадетов собиралось в Первой Государственной думе только законодательствовать и стремилось во чтобы то ни стало избежать конфронтации с властью на законодательном поле. Расчет кадетов строился на том, что правительство и император под угрозой разрастания революции не решатся блокировать законодательные инициативы первого народного представительства и тем более никогда не пойдут на его роспуск.

Однако действительность опрокинула все расчеты оппозиции. Еще накануне созыва Первой Государственной думы большинство министров сомневалось в возможности конструктивного сотрудничества с депутатами. По их мнению, оппозиционная дума непременно выставила бы невозможные требования, связанные с изменением существа государственного строя, после чего его роспуск стал бы неизбежным. У правительства имелся законодательный пакет, который мог бы составить хорошую почву для сотрудничества с оппозицией (законопроекты о гражданских свободах, местном самоуправлении, местной юстиции, по рабочему вопросу). Тем не менее оно не имело ни малейшего желания идти навстречу думе в главном — пересмотре актов 20 февраля, установлении ответственности министерства перед нижней палатой, разрешении аграрного вопроса путем конфискации помещичьего землевладения. Вместе с тем и оппозиция в думе не собиралась отступить.

Программа ее законодательной деятельности была сформулирована в ответном адресе Государственной думы на тронную речь императора, единодушно принятом депутатами 5 мая 1906 г. В нем указывалось, что дума намеревается законодательным путем добиться ответственного министерства, изменить основные государственные законы, конфисковать помещичье землевладение.⁹ Разумеется, подобные меры не могли вызвать одобрение правительства. 13 мая председатель Совета министров И. И. Горемыкин с думской кафедры отвергнул основные положения адреса. В ответ дума объявила вотум недоверия правительству. Таким образом, из попытки кадетов приступить к законодательной деятельности в итоге вырос конфликт между думой и кабинетом, который разрешился роспуском первого народного представительства.

Несмотря на отчаянные усилия фракции кадетов вернуть думу на путь законодательства, она в своей деятельности все более склонялась к политическим декларациям и критике властей. В течение двух месяцев своей работы дума приняла только один законопроект — об отмене смертной казни. Да и тот не поступил в Государственный совет в связи ее роспуском. Свершилось то, чего наиболее опасался П. Н. Милюков: Первая Государственная дума превратилась в учреждение по подаче ходатайств. Причина такого положения вещей очевидна. Во-первых, нормальная законодательная деятельность Государственной думы оказалась невозможной, потому что ей не удалось достичь компромисса с правительством по аграрному вопросу. Аграрные прения шли в думе до последнего дня ее деятельности. Однако каждая из сторон стояла на своем. Кадеты не могли поступиться лозунгом конфискации крупного частного землевладения, поскольку опасались потерять

поддержку крестьянства. Правительство охраняло права частной собственности из принципиальных соображений. Представляется малоубедительным утверждение Д. Ф. Трепова, будто бы Николай II мог согласиться на раздел земли помещиков.¹⁰ Ведь именно разногласия между депутатами и министрами относительно судьбы крупного землевладения и привели к роспуску Первой Государственной думы. Во-вторых, руководство кадетов воспринимало колебания правительства по поводу роспуска думы как очевидную слабость власти. П. Н. Милюков к середине июня намеревался ею воспользоваться и предпринял попытку создания сугубо кадетского ответственного перед думой кабинета. Именно борьба за власть не позволяла лидерам фракции кадетов полностью сосредоточиться на законодательной деятельности. В-третьих, на руководство кадетов в существенной степени «давили» партийные низы. Рядовые члены думской фракции кадетов не собирались законодательствовать, а рассматривали думу исключительно как агитационную трибуну в борьбе против самодержавия. В-четвертых, кадеты могли консолидировать депутатов и добиться единства думы только путем эскалации борьбы с правительством. Большинство депутатов не понимало законодательной работы, не хотело ею заниматься, а стремилось бороться за власть, намереваясь объявить думу Учредительным собранием.

Таким образом, сочетание различных неблагоприятных факторов не позволило руководству кадетов направить думскую фракцию по пути сугубо законодательной деятельности. Следовательно, устойчивая длительная работа первого народного представительства не могла быть обеспечена. Его роспуск оказался предрешенным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гессе И. В. В двух веках: Жизненный отчет // Архив русской революции. Берлин, 1937. Т. 21. С. 210.

² Второй Всероссийский съезд делегатов конституционно-демократической партии: Отчет о заседании 5 января. Б. м., б. г. С. 2–3.

³ Второй Всероссийский съезд делегатов конституционно-демократической партии: Бюллетень № 2. 7 января 1906 г. Б. м., б. г. С. 3.

⁴ Там же. Бюллетень № 4. С. 2.

⁵ Сидельников С. М. Образование и деятельность Первой Государственной думы. М., 1962. С. 162.

⁶ Милюков П. Н. Год борьбы: Публицистическая хроника. 1905—1906 гг. СПб., 1907. С. 247.

⁷ Протоколы III съезда партии народной свободы (конституционно-демократической). Б. м., б. г. С. 4–20.

⁸ Там же. С. 56–60.

⁹ Государственная Дума: Стеногр. отчеты. 1906 год. Сессия первая. Т. 1. С. 139–141.

¹⁰ Мое свидание с генералом Треповым // Речь. 1909. 17 февр.